ИННОКЕНТИЙ БОРИСОВ

БЕСЕДА В СРЕДУ 5-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

И женѣ рече: умножая умножу печали твоя и воздыханія твоя: в болѣзнехъ родиши чада: и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ (Быт. 3, 16)

Чемъ более размышляемъ мы, братіе мои, о сказаніи Моисеевомъ касательно паденія прародителей нашихъ, тѣмъ сильнѣе убѣждаемся, что въ семъ токмо святомъ сказаніи, не смотря на краткость его, содержится ключъ къ разрѣшенію всѣхъ недоумѣній касательно настоящаго бытія нашего на землѣ, къ поясненію нынѣшняго состоянія самой природы, насъ окружающей. Ибо вообразимъ на время, что у насъ нѣтъ подобнаго сказанія; тогда мы не будемъ знать, какъ произошелъ міръ и человѣкъ, что было потомъ съ нашими прародителями, какъ они пали и увлекли за собою в бездну зла все, что отъ нихъ зависѣло или имѣло зависѣть въ будущемъ: а безъ сего нельзя сказать совершенно удовлетворительно ни слова о настоящей судьбѣ рода человѣческаго и всего, что окружаетъ насъ: откуда, напр., тѣ бѣдствія, коими всѣ мы окружены съ младенчества до гроба, и для чего они? Откуда разстройство и безпорядокъ въ природѣ, насъ окружающей, которая съ одной стороны является такъ прекрасною, а съ другой представляетъ видъ поля послѣ великаго сраженія? Но когда вспоминаешь объ Эдемѣ и плодѣ запрещенномъ, о змѣѣ-искусителѣ и пагубной снѣди, о смоковничномъ препоясаніи и грозномъ, но столь же милосердомъ судѣ Божіемъ, то мракъ, покрывающій судьбу земли и человѣка, разсѣевается; узнаемъ, откуда зло въ мірѣ, за что и для чего страдаетъ все живущее; и, вмѣсто ропота и отчаянія, одушевляемся святымъ терпѣніемъ и надеждою на Провидѣніе. И были лжемудрецы, кои, отвергая сказаніе Моисея о первобытномъ человѣкѣ и его паденіи, думали еще показать этимъ свою мудрость! Что же возмогли дать они въ замѣнъ свитка Моисеева? Нелѣпыя мечты разстроеннаго воображенія, кои могли казаться стоющими вниманія только ихъ суемудрымъ изобрѣтателямъ. Но честь и благодарность здравой наукѣ, которая, углубившись въ изслѣдованіе природы, не замедлила сама стать противъ лжеименной мудрости и показать всему свѣту, что бытописаніе Моисея превыше всякаго сомненія, потому что написано не на одной хартіи, а начертано неизгладимыми буквами на лицѣ всей земли. Пожалѣвъ о семъ печальномъ и уже почти прошедшемъ явленіи, пойдемъ паки съ благоговѣніемъ за боговдохновеннымъ вождемъ нашимъ и выслушаемъ изъ устъ его, какъ, во слѣдъ за зміемъ-искусителемъ, судъ Божій коснулся и насъ, кои такъ легкомысленно приложили слухъ къ его обаянію.

И женѣ рече: умножая умножу печали твоя: въ болѣзнехъ родиши чада: и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати бу-

детъ. Допросъ начатъ былъ съ мужа, а наказаніе начинается съ жены. Почему такъ? Потому конечно, что жена, какъ мы видѣли, первая открыла слухъ и сердце свои искусителю, и она же сдѣлалась почти единственною причиною паденія для своего мужа. Да не забываютъ сего жены, кто бы онѣ ни были и какъ бы высоко ни стояли, и да прилагаютъ попеченіе о томъ, чтобы скромностію, смиреніемъ и послушаніемъ мужу вознаградить свое первобытное легкомысліе и кичливость!

Умножая умножу печали твоя и воздыханія твоя. Онѣ будутъ, какъ бы такъ сказано, у тебя и сами по себѣ (ибо какъ не печалиться и не воздыхать той, которая легкомысліемъ и продерзостію своею подвергла столькимъ бѣдствіямъ и себя, и мужа, и весь родъ человѣческій?); но кромѣ сего явится у тебя множество еще такихъ скорбей и воздыханій, отъ коихъ мужъ твой будетъ свободенъ, отъ коихъ и ты, хотя и преступница заповѣди, была бы свободна, если бы не показала себя въ дѣлѣ общаго преступленія такъ самонадѣянною и особенно усердною къ общей погибели. Поелику такое, удвоенное, обузданіе необходимо для твоей непомѣрной наклонности къ чувственному то наложу его Я самъ; и поелику наложу Я, то никто не въ состояніи будетъ снять его съ тебя. Чѣмъ бы ты ни была, какъ бы высоко ни стояла, печали и воздыханія всюду будутъ слѣдовать за тобою: *умножая умножу печали и воздыханія твоя!*

Послѣ сего какъ бы введенія, изображается уже самое наказаніе жены, состоящее изъ двухъ видовъ: она осуждается, во-первыхъ, на болѣзни рожденія, во-вторыхъ, на подчиненіе своему мужу. Разсмотримъ каждое наказаніе порознь: ибо въ томъ и другомъ найдемъ урокъ для нашего назиданія.

Въ болѣзнехъ родиши чада. Значитъ, до преступленія заповѣди, въ состояніи невинности, чада рождались бы безъ болѣзни. Такъ и должно быть. Ибо прилично ли столь великому и священному дѣйствію, каково произведѣние на свѣтъ человѣка, сопряжену быть съ болѣзнями и страданіемъ? Только одинъ грѣхъ, ставъ на срединѣ, могъ произвести сіе, заставивъ явиться скорбь и болѣзнь тамъ, гдѣ бы надлежало быть одной чистой радости и святому веселію. Посему животныя и донынѣ свободны отъ большей части мукъ чадорожденія, какъ бы въ показаніе того, что если человѣкъ столько подлежитъ имъ, то не по необходимому закону природы, а по особенному распоряженію о немъ Промысла Божія. И поелику въ семъ случаѣ дѣйствовало само правосудіе Божіе, то не безъ мудраго конечно намѣренія обратило въ наказаніе женѣ то самое, что, въ состояніи невинности, имѣло сопровождаться однимъ чистымъ удовольствіемъ. Ибо Господь всеблагій, если наказуетъ кого либо, то наказуетъ всегда такъ, чтобы наказуемый самымъ наказаніемъ отводился отъ какого либо зла и приводился къ какому либо добру. Въ настоящемъ случаѣ, когда опредѣлялась судьба не одной Евы, а въ лицѣ ея и всѣхъ будущихъ дщерей человѣческихъ, цѣлой половины всего рода человѣческаго, тѣмъ паче имѣлось въ виду не мщеніе какое либо и не желаніе поразить какъ можно чувствительнѣе и преогорчить самую большую радость въ жизни, а благо самой жены.

Какое же благо, спросит кто либо? То, чтобы удержать на будущее время жену отъ поползновенія къ грѣху. При запрещенномъ древѣ, Ева, какъ мы видѣли, обнаружила крайнюю наклонность свою прельщаться внѣшнимъ видомъ и увлекаться наслажденіемъ чувственнымъ. Если при взорѣ на красивое древо и сладкій плодъ она такъ потерялась и погибла; то что будетъ съ нею при встрече с красотою одушевленною? И вотъ въ ограду ея целомудрия ставятся безсмѣнные, неумолимые и неподкупные стражи – болѣзни чадорожденія, да, увлекаемая страстію, она будетъ удерживаема представленіемъ продолжительности бремяношенія и мукъ рожденія, кои ожидаютъ ее за минутное услажденіе плоти. Вмѣстѣ съ симъ, посредствомъ этого же самаго наказанія жены, будетъ достигнута у Промысла и другая, не менѣе важная цѣль въ отношеніи ко всему роду человѣческому, та цѣль, чтобы связать тѣснѣйшимъ союзомъ любви раждающихъ съ рожденными отъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему матери гораздо приверженнѣе къ дѣтямъ, нежели отцы? Потому, что дѣти достались имъ гораздо дороже, нежели отцамъ.

Но съ другой стороны, что было причиною для насъ печалей и болѣзней, то обыкновенно становится послѣ того непріятнымъ и отвратительнымъ, такъ что мы не можемъ впослѣдствіи и смотрѣть равнодушно на преждебывшій источникъ скорбей нашихъ. Посему можно было опасаться, что и въ семъ случаѣ умноженіе для жены болѣзней, во время ея чревоношенія и рожденія, произведетъ нѣчто подобное, и заставитъ жену, пожалуй, вовсе отвергнуть жизнь брачную, что было бы противно цѣлямъ самаго Промысла о размноженіи на землѣ рода человѣческаго. Что же дѣлаетъ премудрость Божія для удаленія сей противоположной крайности? Ничего болѣе, какъ соединяетъ конецъ чадорожденія съ такою чистою душевною радостію, что жена, какъ говоритъ самъ Спаситель, не помнитъ уже въ то время прежней скорби своей – за радость, *яко родился человѣкъ въ міръ* (Іоан. 12, 21). Такъ умѣетъ Промыслъ достигать своихъ премудрыхъ и всеблагихъ цѣлей!

Съ намѣреніемъ, братіе мои, медлимъ мы на семъ предметѣ и входимъ въ такія подробности, дабы дать женамъ случай вникнуть болѣе въ опредѣленіе Божіе о нихъ и почерпнуть изъ него для себя и назидание и утѣшеніе. Велики скорби жены! Дорого стоитъ ей младенецъ, коего лелѣетъ она у груди своей! Стократъ дороже, нежели его отцу и ея мужу! Но это не слѣпой какой либо случай судьбы, а премудрое и всесвятое опредѣленіе Божіе. Посему-то никакая изъ женъ не свободна отъ болѣзней рожденія. Въ чертогахъ великолѣпныхъ страдаютъ такъ же, какъ и въ послѣдней хижинѣ. Жены высшаго званія и сана подлежатъ нерѣдко даже большимъ опасностямъ и мукамъ при чадорожденіи, нежели жены простыхъ людей; и это потому, что слишком искусственнымъ образомъ жизни своей онѣ слишкомъ далеко уклоняются отъ простыхъ законовъ природы, а нравами своими – отъ чистоты душевной, и такимъ образомъ сами для себя увеличиваютъ тяжесть наказанія Божія. Но какъ бы оно ни было тяжело, поелику отъ Бога, то всегда можетъ служить на пользу душевную, если только мы не испортимъ дѣла съ нашей стороны. Самая мысль, что онѣ страдаютъ по

волѣ и непосредственному распоряженію Божію, должна служить великою отрадою для женъ дѣтородящихъ. Ибо не напрасно св. Давидъ предпочиталъ нѣкогда впасть въ руцѣ Божіи, нежели въ руки человѣческія. Среди болѣзней чадорожденія вы, жены, находитесь именно въ рукахъ Божіихъ; но, находясь въ рукахъ Божіихъ, не отвращайте взоровъ своихъ отъ лица Божія. Простирайте руки ваши не столько къ людямъ, слабымъ и часто немогущимъ подать вамъ никакой помощи, сколько къ Богу крѣпкому и живому. Если какая сила скорѣе можетъ восполнить немощь природы и разрѣшить узы плоти, то сила вѣры и молитвы, для коей нѣтъ ничего невозможнаго. А чтобы самая молитва ваша была дѣйствительнѣе и богопріятнѣе, растворяйте ее духомъ вѣры и покаянія. Страданіями нашей плоти Господь всегда хочетъ изгнать какой-либо недугъ изъ нашего сердца и духа. Посему искреннее раскаяніе въ прошедшихъ грѣхахъ нашихъ и твердый обѣтъ вести себя впредь богобоязненно, кротко и смиренно – есть самый дѣйствительнѣйшій способъ преклонить правду Божію на милость, вмѣстѣ съ чѣмъ сократятся и всѣ страданія плоти. Посему нельзя довольно похвалить тѣхъ богобоязненныхъ женъ, кои, предъ наступленіемъ чадорожденія, совѣтуются не съ одними врачами тѣлесными, а приготовляютъ себя къ грозной минутѣ молитвою и таинствами св. Церкви. Это, можно сказать, необходимость для каждой жены въ такомъ положеніи: ибо кто можетъ поручиться, чтобы часъ дѣторожденія не обратился въ часъ смерти для рождающей? Какъ же не приготовиться къ такой опасности покаяніемъ и причащеніемъ св. Таинъ?

Но это все невольно наводитъ страхъ, хотя и спасительный. Не скроемъ же и того, что можетъ служить къ великому ободренію и утѣшенію для женъ, среди ихъ страданій во время родовъ. Что это такое? То, что болѣзни рожденія, когда онѣ переносятся въ духѣ вѣры и покаянія, суть самое дѣйствительное средство къ изглажденію вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденій. На это намекаетъ уже сама природа; ибо послѣ болѣзней рожденія всякій разъ очищается все тѣло жены. Но будетъ очищаться не одно тѣло, а и душа, коль скоро, страдая тѣломъ не будутъ забывать при семъ своей души. Сіе-то самое, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду апостолъ Павелъ, когда написалъ, что жена *спасется чадородія ради* (I Тим. 2, 15). Надобно токмо родить чадъ не по одной плоти, а и по духу, то есть рожденное не оставлять на произволъ судьбы, или на попеченіе наемныхъ приставниковъ, а воспитывать самимъ въ страхѣ Божіемъ и повиновеніи уставамъ св. Церкви. Ибо и Апостолъ не сказалъ просто: *спасется чадородія ради* (иначе у которой было бы болѣе дѣтей, та была бы потому и спасеннѣе другихъ), а присовокупилъ: *аще пребудутъ въ вѣрѣ и любви, во святыни съ цѣломудріемъ* (I Тим. 2, 15). И въ другомъ мѣстѣ, похваляя вдовицу, похваляетъ не просто, а съ условіемъ: *аще чада воспитала есть, аще скорбнымъ утѣшеніе бысть, аще всякому дѣлу благу послѣдовала есть* (I Тим. 5, 10). При такомъ только нравѣ и такомъ поведеніи женъ обращается имъ во спасеніе и дѣло ихъ чадорожденія, яко весьма трудное и болѣзненное, но въ тоже время необходимое для рода че-

ловѣческаго. Ибо, жена, скажемъ и это въ утѣшеніе страждущихъ, заступаетъ въ семъ случаѣ мѣсто какъ бы самого Творца, раждая изъ себя человѣка, который въ первый разъ произведенъ былъ непосредственно самимъ Богомъ.

Видите теперь, каково наказаніе Божіе? Видите, какъ въ немъ открыть случай для женъ къ великой заслугѣ, къ достиженію самаго спасенія вѣчнаго? Что можетъ быть важнѣе для насъ сего послѣдняго? Итакъ будемъ послушны и терпѣливы: терѣние и вѣра награждаются, въ семъ случаѣ, еще здѣсь на землѣ. Ибо, если отецъ и мать въ отношеніи къ дѣтямъ своимъ будутъ воодушевлены такимъ духомъ, какого требуетъ Евангеліе; то ихъ домъ будетъ не хуже рая, сдѣлается даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, лучше его; ибо въ рай прародители наши вошли невинные, а вышли из него грѣшниками, и распространили своим грѣхомъ клятву по всей землѣ, а въ такомъ домѣ будетъ напротивъ: въ него, путемъ рожденія, будутъ входить грѣшники (ибо *рожденное отъ плоти плоть есть*, Іоан. 3, 6), а изъ него, путемъ христіанскаго воспитанія, будутъ исходить праведники, и гдѣ ни будутъ жить, всюду станут распространять вокругъ себя миръ и благословеніе.

Второй видъ наказанія, возложеннаго на жену за преступленіе заповѣди – взятъ изъ ея отношенія къ мужу: *и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ*. Ты, как будто говоритъ Господь, почтена будешь от Меня равною съ мужемъ честію; подобно ему украшена образомъ моимъ; подобно ему поставлена владычицею рая; и хотя пришла позже его на свѣтъ, но получила тоже самое, даже удостоилась произойти не изъ земли, какъ онъ, а изъ ребра его: довольно бы для тебя сей чести, довольно бы того, что предоставляла тебѣ собственная его любовь къ тебѣ. Но ты не удовольствовалась всѣмъ симъ и взяла на себя большее, тебеѣ не принадлежащее: безъ его согласия вступила въ бесѣду и пріязнь съ зміемъ; безъ его одобренія вкусила отъ плода запрещеннаго и не только сама нарушила заповѣдь, но подала къ тому же поводъ и мужу и увлекла его въ пропасть. Этого противозаконнаго господства твоего надъ супругомъ твоимъ не будетъ болѣе. За присвоеніе того, что не принадлежало тебѣ, ты потеряешь большую часть и того, чѣмъ обладала по праву. Въ тебѣ останется прежняя привязанность къ супругу: *къ мужу твоему обращеніе твое*; но въ немъ не будетъ уже прежняго благоснисхожденія; при всѣхъ ласкахъ и нѣжности его, ты невольно будешь всегда видѣть въ немъ своего владыку: *и той тобою обладати будетъ*. Такъ обладати, что ты съ воздыханіемъ не разъ вспомнишь о прежнемъ между вами равенствѣ; будешь сознавать не рѣдко свое преимущество предъ нимъ, но и въ семъ случаѣ останешься въ зависимости не только отъ его ума и воли, отъ самыхъ прихотей; и сколько бы ни искала способа свергнуть тяжкое иго, никогда не найдешь его въ той полнотѣ, какъ-бы хотѣлось: *и той тобою обладати будетъ*.

Какъ ни грозны слова сіи въ отношеніи женъ, но они нисколько однако же не уполномочиваютъ мужей на тиранство надъ своими женами, и не означаютъ того, чтобы послѣднія отдавались имъ въ совершенное подчиненіе и рабство. Нѣтъ, это было бы противно намѣре-

нію Божію, равно какъ и благосостоянію рода человѣческаго. Ибо, что былъ бы за союзъ у мужа съ женою, если бы первый только всегда повелѣвалъ, а послѣдняя всегда только бы повиновалась? Тѣмъ паче, что было бы за семейство, если бы жена походила на невольницу? Гдѣ жена – раба, тамъ нѣтъ истинной любви и мира, а только страхъ и принужденіе. Посему-то мы не видимъ въ семействѣ допотопных патріарховъ не только никакого рабства и такъ называемаго заключенія женъ, но и многоженства. И послѣ потопа жены праотцевъ пользуются еще не малое время своею свободою и вліяніемъ на дѣла домашнія. Хотя Сарра уважаетъ, напримѣръ, Авраама, *господиномъ того зовущи* (Пет. 3, 6), какъ замечаетъ Апостолъ; но это господство Авраама состояло не въ величавости предъ женою и приказаніяхъ, а въ большей предъ нею мудрости. Уже впослѣдствіи, когда, съ усиленіемъ въ родѣ человѣческомъ грѣха и страстей и съ постепенно большею потерею чистоты нравовъ, мужья, вмѣсто закона взаимной любви къ женамъ, начали слѣдовать своему слѣпому произволу; когда только жребій женъ, смягчаемый дотолѣ любовію мужнею, началъ тяжелѣть и преогорчеваться болѣе и болѣе, такъ что жена наконецъ изъ помощницы, хотя зависимой, но все еще близкой къ мужу даже и по правамъ своимъ, ниспала въ состояніе безотвѣтной рабы и невольницы и обратилась въ жалкое орудіе страстей. Какъ ни противозаконно и ни вредно для благосостоянія рода человѣческаго такое уничиженіе жены, но яко благопріятствующее страстямъ, оно, съ продолженіемъ времени, успѣло распространиться въ цѣломъ древнемъ мірѣ, возымѣло силу не только обычая, но и закона, отъ коего до сихъ поръ стенаютъ, какъ извѣстно, жены едва не у всѣхъ народов нехристіанскихъ.

И кто бы вывелъ женскій полъ изъ сего злосчастнаго состоянія, если бы не явилось на помощь Евангеліе Христово? Философія, по обычаю своему, не смѣла сказать о семъ ни одного слова. Только Евангеліе, своим ученіемъ о воздержаніи и свободѣ духовной, изгнало, вмѣстѣ съ многоженствомъ, уничиженіе женскаго пола, возвѣстивъ въ слухъ всѣхъ, яко о Христѣ Іисусѣ *нѣсть мужескъ полъ, ни женскій* (Гал. 3, 28), но вси едино и равны предъ Богомъ. Только Евангеліе внушило и поставило въ обязанность мужьямъ любить своихъ женъ, *якоже Христосъ возлюби Церковь и Себе предаде за ню* (Ефес. 6, 25). Послѣ сего жена уже не могла быть рабою мужа, какъ бы онъ ни былъ высокъ и важенъ.

Не забывайте же сего, жены, и лобызая Евангеліе Христово, благодарите Виновника его не только за то, что Онъ крестомъ своимъ отверзъ вамъ, равно какъ и мужьямъ вашимъ, входъ въ рай потерянный и царство небесное, но и на землѣ снялъ съ васъ тѣ поносныя узы неволи и уничиженія, въ коихъ полъ вашъ стенялъ, без надежды, цѣлыя тысящелѣтія. Аминь.